

кие (извините за грубость, но другого слова не подберешь) эксперименты Хрущева. Молотов один выступал против них. Снова цитата из бесед с Чуввым.

— Целину начали осваивать преждевременно. Безусловно, это была нелепость. В таком размере — авантюра. Я никогда не был против освоения целины, хотя Хрущев меня обвинил главным противником целины. Но я с самого начала был сторонником освоения целины в ограниченных масштабах, а не в таких громадных, которые нас заставили огромные средства вложить, нести колоссальные расходы вместо того, чтобы в обжитых районах поднимать то, что уже готово. А ведь иначе нельзя. Вот у тебя миллион рублей, больше нет, так отдать их на целину или уже в обжитые районы, где возможности имеются? Я предлагал вложить эти деньги в наше Нечерноземье, а целину поднимать постепенно. Разбросали средства — и этим немножко, и тем, а хлеб хранить негде, он гниет, дорог нет, вывезти нельзя...

Я говорю на заседании Политбюро: слушайте, вот мы получили данные ЦСУ об урожае в тех районах, которые вы называете целиной, — два-три центнера. А в засушливых районах средние данные за пять — десять лет — пять-шесть центнеров, маленький урожай, но на всем готовеньком. Если мы вместо двадцати миллионов гектаров осилим десять миллионов, но районы более надежные в смысле урожая и более посильные нам по масштабам, то мы получим...

Хрущев сразу: «О, ты против целины!» — «Да позволь, почему против целины, но надо ж рассчитать все — таки, как же можно государственные дела так делать?»

А Хрущев нашел идею и веселся, как саврас без узды! Идея-то эта ничего не решает определенно, может оказать помощь, но в ограниченном пределе. Сумей рассчитать, прикинь, посоветуйся, что люди скажут. Нет — давай, давай! Стал размахиваться, чуть ли не сорок или сорок пять миллионов гектаров целины отрез, но это непосильно, нелепо и не нужно, а если бы было пятнадцать или семнадцать, вероятно, вышло бы больше пользы. Больше толку.

Хрущев мне напоминал врасплох. Кого не подготовил на свое место. Хрущев не случаен. Конечно, не по Сеньке шапка.

Я был против совнархозов и написал письмо в Политбюро, что это дело не подготовлено.

Я был против разделения партии на сельскую и городскую — это противоречит и Конституции, и Уставу партии. Это просто идиотство.

Молотов и его довоенные коллеги по Политбюро — Каганович, Маленков — видели, что хрущевское правление не доведет страну до добра.

В 1957-м, рассказывает Молотов, Хрущев был снят на три дня. На одном заседании он был снят. Он председательствовал тогда на заседании Политбюро. Его сняли только с поста председателя на заседании. Больше ничего не было. Его не освободили. И освободить не могли. Это решает пленум.

На Политбюро, когда он сел председательствующим, решили заменить его Булганиным. Дело в том, что начиная с Ленина, всегда было так — председательствующим на заседании Политбюро был Предсовнаркома. Такова ленинская традиция. Сначала председательствовал Ленин (когда он болел — Каменев), потом Рыков, потом я, потом Сталин. Впервые отступил от ленинской традиции Хрущев, стал действовать обкомовскими методами... Не председатель, а председательствующий. Я помню, Томский как-то возмущался, когда напечатал: «Председатель Молотов», а не председательствующий. И вот сел Булганин председательствующим.

— А Хрущев молчал?

— Где там! Кричал, возмущался... Но мы уже договорились. Нас семеро из одиннадцати, а за него трое, в том числе Микоян. У нас программы никакой не было, единственное — снять Хрущева, назначить его министром сельского хозяйства. А за стеной шумят. Там Фурцева, Серов, Игнатов. Собрали членов ЦК.

Но и в нашей группе не было един-

ства, не было никакой программы. Мы только договорились его снять, а сами не были готовы к тому, чтобы взять власть.

На другой день был пленум. Фурцева как секретарь ЦК, она играла роль. И Сулов как секретарь ЦК. Серов большую роль сыграл. Использовал технический аппарат. Вызвал членов ЦК поскорей в Москву. Собрались к Сулову. Серов помогал. Ну конечно, он играл техническую роль. Поскольку Хрущев оставался Первым секретарем ЦК, аппарат, в конце концов, был в его руках.

Жуков — крупный военный, но слабый политик. Он сыграл решающую роль в возведении на пьедестал Хрущева в 1957 году, а потом сам проклинал его...

Его не снимали с секретарей, не успели снять. Собрали пленум, пленум

был на их стороне — чего же тут!

— А вам не дали выступить на пленуме?

— Нет, дали, я все же выломил. Пускай мою стенограмму покажут кому-нибудь!

— Не показывают. А как пленум реагировал?

— Орали, орали. Я говорил не о нем, но о его руководстве специально, теперь не вспомнить все, что было сказано, но, в частности, я говорил то, что у меня было намечено до этого, в том числе и насчет того, что в 1953 году назначена комиссия по архиву Сталина, председатель — Хрущев, я — член комиссии. Сейчас с 1957 года ни разу не собирались мы, члены комиссии, Микоян там был, еще кто-то... Архив Сталина нам, комиссии, поручен. Вот видите, как ведет себя Хрущев?

Хрущев, видимо, подслушивал наши телефонные разговоры, и шпионы у него были. Я выступал на пленуме, орал, не слушали. Потом хитро опубликовали. Сначала троих включили в «антипартийную группу» — Маленкова, Кагановича, Молотова — и добавили примкнувшего к ним Шепилова, а через некоторое время — Булганина и Ворошилова. Вороши-

лов был с нами, только потом расклялся. Можно судить по тому, что было напечатано, как он вел себя. Плохо вел. Растерялся. Не знал, куда идти. А Хрущев хитрый очень. То, что Ворошилов стал президентом, не добавило ему авторитета. Авторитет у него был с гражданской...

Потом каждый год я посылал в ЦК одно — два письма с критикой их политики. Последнее — с критикой Программы партии, которую считаю фальшивой, антиленинской. Хрущев поднял этот вопрос, и меня исключили из партии. А Маленков и другие ничего об этих письмах не знали, жили себе. Но одного меня из партии исключить неудобно — нужна «антипартийная» группа, исключили четверых.

Тогда в 1957 году, собственно, и закончилась политическая деятельность Молотова. Его назначали то

вить. А Хрущев противопоставил — вот при Сталине вам было тяжело, а теперь будет легче. Это подкупало. Подавляющее большинство голосовало против меня. Обиженных было очень много.

— Но рабочий класс был за вас.

— Рабочих тоже подкупили: теперь, мол, будет спокойнее, не будет гонки вперед.

Молотов совершенно справедливо, на мой взгляд, считал, что не Хрущеву решать его партийную судьбу. И ежемесячно по почте передавал в ЦК КПСС партийные взносы, а к каждому съезду обращался с просьбой восстановить его в КПСС. Почему этого не сделали при Брежнев, когда большинство сумасбродных хрущевских решений было отменено? Скорее всего, потому что он знал слишком много о слишком многих.

С момента выхода на пенсию почти до самой кончины Молотов получал 120 рублей в месяц. В советские времена эта сумма вполне обеспечивала скромную, но достойную жизнь, не заставляла пенсионеров в чем-то себе отказывать. Мне приходилось встречать Молотова в эту пору. Помню его загорелым, в отужоженном костюме, белоснежной сорочке, тонном галстуке, неизменном пенсне. Он прогуливался по Тверскому бульвару, все с ним приветливо здоровались.

Дочь Молотова Светлана была научным сотрудником в Институте истории Академии наук. Работавшие с нею люди вспоминают, что за несколько дней до зарплаты она часто занимала у кого-нибудь деньги и всегда аккуратно отдавала долг.

— Светлана, — спрашивали ее, — неужели отец тебе не помогает?

— У отца пенсия 120 рублей, и все.

Незадолго до смерти Молотову установили персональную пенсию как бывшему главе Советского правительства. Разница за все прошедшие годы составила значительную сумму. Молотов все полученные деньги перевел в детский дом.

«Молотов больше всего переживал, что его исключили из партии, — вспоминает М.С. Смиртюков. — И все время писал в ЦК, Комитет партийного контроля письма с просьбами о восстановлении. Для себя в материальном плане он не просил ничего.

Ал в маленькой деревянной даче в Кучино, которую мы ему выделили. В 90 лет сидел в поликлинике на электростол. Всегда там сидел в общей очереди, хотя все, конечно, предлагали пропустить его. Он полностью платил за дачу, уголь, истопнику и женщине, которая помогала им по хозяйству, и у них не оставалось практически ничего. Мы приняли решение об увеличении им с Кагановичем пенсии на 50 рублей, освободили от платы за дачу и уголь.

Я был по делам Совмина у Черненко и рассказал ему о сетованиях старика. Черненко удивился. Мы же, говорит, этот вопрос на Политбюро предприняли, какие-то мелочи оставалось утрясти. И через считанные дни вышло решение о восстановлении Молотова В.М. в рядах КПСС.

Большим ударом была для него кончина Полины Семеновны. Прощание с Жемчужиной было в клубе фабрики «Красный Октябрь». Молотов выступал.

Он умер в день коммунистического праздника — 8 ноября 1986 года (тогда годовщину Октября отмечали двумя выходными днями). Похоронен на Новодевичьем кладбище рядом с женой. После смерти с зав. сектором Общего отдела ЦК в его квартиру на улице Грановского приезжал за документами генерал КГБ И.П. Абрамов. Первое, что он увидел в большой комнате при входе, вся в книжных стеллажах, — большой портрет Сталина. В комнате Вячеслава Михайловича тоже портрет Сталина. Металлическая никелированная кровать. Вообще вся обстановка очень простая, никаких роскошных вещей. На даче еще скромнее. Двухэтажный дом в мидовском поселке. Тоже очень много книг. Среди документов пачка квитанций — перечисление партвзносов в ЦК КПСС. Письмо в ЦК о том, что с ним поступили несправедливо.

Так закончилась эта великая жизнь, вся отданная Родине.

Ю. ИЗЮМОВ

МОЛОТОВ БОЛЬШЕ ВСЕГО ПЕРЕЖИВАЛ, ЧТО ЕГО ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ ПАРТИИ